

Хан Сиэнь прекрасно знал обо всём, что происходит, но всё же искренне ценил доброжелательность евнуха. Он одарил Юань Бао едва заметной, мягкой улыбкой, ничем не выдав своего присутствия и не привлекая к себе лишних взглядов.

Юань Бао, не переставая улыбаться, внутренне признал, что наследник Хань — человек на редкость проницательный и приятный в общении. Такое отношение льстило старому слуге.

К слову, в последнее время дела у самого Юань Бао шли не лучшим образом. Будучи личным доверенным слугой императора, он вдруг оказался потеснённым: к государю небывало приблизилась Ань Ци. Юань Бао прекрасно понимал, что император одновременно страшится этого лица и не может перед ним устоять, а потому предпочёл проявить благоразумную уступчивость.

Итогом его деликатности стало то, что теперь обязанности писца подле государя почти целиком перешли к Ань Ци. Некогда всемогущий великий внутренний управляющий Юань Бао остался не у дел, довольствуясь мелкими поручениями в чертогах дворца и за его пределами.

Впрочем, государь по-прежнему глубоко доверял Юань Бао. Пусть Ань Ци временно заняла его место, рано или поздно верный слуга вернёт себе былое влияние.

Юань Бао отдавал себе в этом отчёт. Хотя ущемлённое самолюбие порой давало о себе знать, разум одерживал верх, и евнух сохранял внешнее хладнокровие.

Однако сегодня, глядя на Хан Сиэня, Юань Бао невольно почувствовал искреннее сострадание. Милость владыки для подданного — точно занесённый над шеей клинок. Острый, безжалостный, он способен перерезать горло врагу, но в любой миг может сорваться и снести голову самому фавориту.

И сейчас никто во всей Поднебесной не мог предугадать, обрушится ли эта карающая сталь на самого Хан Сиэня или поразит кого-то другого. Вспомнив надрывный плач благородной супруги Ши, доносившийся из императорских покоев, великий евнух мысленно вздохнул.

Юань Бао служил владыке дольше всех и знал его нрав не хуже вдовствующей императрицы. За долгие годы государь привык править железной рукой, но когда-то его характер отличался мягкостью, граничащей с безволием. Разумеется, подобные мысли евнух никогда не облёк бы в слова. В конце концов, он сам выживал в этом беспощадном дворце лишь благодаря монаршей благосклонности.

Душевное состояние Цзи Жуна, Цзи Ло и Бай Эня было куда более смятенным. Срочный императорский призыв не сулил ничего простого: очевидно, в деле о тайне происхождения второго молодого господина Бая наметился резкий поворот. Вот только обернётся ли он спасением или окончательной гибелью, никто предсказать не решался.

Второго принца терзали самые мрачные предчувствия. Если Бай Энь действительно окажется

бастардом благородной супруги Ши, хитрый и расчётливый клан Ши без колебаний сделает из него, Цзи Жуна, козла отпущения. И тогда обвинение в незаконной добыче золота в Цзяннани прилипнет к нему намертво — не отмоешься.

Всю дорогу Цзи Жун лихорадочно перебирал в памяти имена сановников, искавших его расположения в прошлые годы. Изредка его блуждающий взор натывался на бесстрастное лицо Хан Сиэня, и в голове принца крепла безумная, отчаянная мысль. Если клан Ши вздумает утопить его, почему бы не последовать примеру наследника Хань? Наплевать на приличия, сорвать маски и открыто обвинить клан Ши в государственной измене! Дворцовые интриги, тайные пороки... Привыкший к подозрительности государь непременно уничтожит обе стороны.

Пусть погибнут все, пусть сеть порвётся и рыба сдохнет — это лучше, чем оставаться безропотным дураком на заклание.

Разумеется, об этой опасной перемене в мыслях принца никто, кроме Хан Сиэня, не догадывался. Сам наследник Хань лишь мысленно усмехнулся бы такому порыву. Он-то шёл напролом лишь потому, что имел силу сокрушить врага, не получив ни единой царапины.

Пытайся же сделать то же самое Цзи Жун — это всё равно что бросать яйцо на скалу. Скорлупа разлетится вдребезги, лишь слегка испачкав камень липким желтком. Чистое безумие, при котором собственные потери стократно превысят урон врагу.

С другой стороны, если клан Ши действительно решил списать его со счетов, подобный бунт принёс бы принцу хотя бы мимолётное утешение. Преступления заговорщиков посягали на святая святых — трон Великого Императора, и ни один царевич, замешанный в подобном, не смог бы уберечься от гнева державного отца. В такие моменты государь руководствовался лишь одним правилом: лучше казнить сотню невинных, чем упустить одного предателя.

Поглощённые мрачными думами, путники хранили молчание. Юань Бао то и дело украдкой поглядывал на бледные лица принцев, и на душе у него становилось всё тяжелее. Когда карета наконец миновала массивные ворота, старый евнух лишь тихо, обречённо вздохнул.

Те, кто сегодня переступил порог этого дворца, далеко не все увидят закат солнца на воле.

Покои императора

На этот раз государь призвал их не в прохладную тишь императорского кабинета, а в собственные жилые покои.

У дверей плотными рядами застыли воины императорской гвардии. Ещё на подходе к дверям воздух казался тяжёлым, пропитанным зловещим дыханием неизбежной расправы.

Цзи Жун, похоже, мысленно уже простившийся с жизнью, после доклада шагнул через порог первым. Хан Сиэнь и остальные последовали за ним.

Посреди залы на возвышении восседал император. Подле него беззвучной тенью замерла Ань Ци. Чуть поодаль устроилась вдовствующая императрица, которая в последнее время почти не покидала собственных покоев. На холодном полу, склонив головы, стояли на коленях благородная супруга Ши, старый маркиз Ши и прочие старшие члены их некогда могущественного клана.

Стоило Хан Сиэню поднять голову, как его взгляд пересёкся со взглядом вдовствующей императрицы. Глаза старухи скользнули по юноше — ледяные, колющие, точно зимние сосульки.

Наследнику Хань даже не требовалось читать мысли августейшей особы, дабы понять глубину её ненависти. С того самого злосчастного дня его рождения, когда они впервые столкнулись лицом к лицу, ни одно тайное или явное начинание этой женщины не увенчалось успехом.

«Старуха боится, что я спутаю её карты, и так спешит выставить меня за дверь? — подумал Хан Сиэнь. — Что ж, весьма лестно узнать, что моё присутствие внушает ей столь сильный трепет»

Спокойно отведя взгляд, Хан Сиэнь вместе с остальными опустил на колени для приветствия. С самой минуты их появления государь хранил мрачное молчание. Он даже не взглянул в их сторону и, разумеется, не позволил подняться с колен.

Напряжение в покоях достигло предела. Стойкостью среди вошедших выделялся Хан Сиэнь — ему нечего было терять и не о чем просить. Цзи Ло, умудрённый опытом двух жизней, также сохранял относительное спокойствие. Труднее всего приходилось Бай Эню и царевичу Цзи Жуну. Никогда прежде им не доводилось сталкиваться с подобным монаршим гневом, и теперь, несмотря на бывшие приготовления, их сердца сковал леденящий страх.

Владыка Великого Чжоу окинул коленопреклонённых подданных тяжёлым взглядом. Когда его взгляд скользнул по макушке Бай Эня, он на мгновение замер, и в глазах монарха промелькнуло сложное, нечитаемое чувство.

В этой зловещей тишине раздался робкий голос евнуха у дверей:

— Ваше Величество, прибыли господин Бай Цзюнь, Госпожа Ван, генерал Бай Вэньхань и Бай Шу. Просят дозволения войти.

Император процедил сквозь зубы:

— Впустить!

Едва члены семейства Бай переступили порог, Бай Шу тут же отыскал глазами Хан Сиэня. После того памятного дня, когда он в ярости разнёс письменный стол наследника Хань, они больше не виделись.

Всё это время душу юноши томила смутная тревога. Он помнил, как занёс тогда руку для удара, а Хан Сиэнь даже не шелохнулся, лишь смотрел на него в упор, холодно и прямо. Неужели этот человек ни капли не боялся, что смертоносный удар обрушится на него? Что это было — безграничное доверие или абсолютное равнодушие к собственной жизни? Ответа у Бай Шу не было, и он так и не решился явиться к нему вновь.

Из-за этих мыслей Бай Шу замешкался и склонился в поклоне чуть позже остальных, что сразу бросилось в глаза. Император одарил его коротким, пронзительным взглядом. Тёмные, бездонные зрачки государя пугали до дрожи.

Когда все действующие лица этой драмы оказались в сборе, император принялся медленно изучать присутствующих. Его тяжёлый взор переходил с одного лица на другое, пока наконец не остановился на благородной супруге Ши. Губы монарха шевельнулись, но он так и не произнёс ни слова.

Вдовствующая императрица слегка прикрыла веки и заговорила размеренным, бесстрастным тоном:

— Ваше Величество, дело Бай Эня напрямую затрагивает чистоту императорской крови. Раз уж все виновники собрались под этим куполом, пришло время сорвать покровы тайны.

Услышав эти слова, Бай Цзюнь и Госпожа Ван содрогнулись. Лбы их, прижатые к полу, едва заметно дрогнули, но, помня о грозной обстановке, они не осмелились даже пошевелиться.

Император бросил на мать холодный взгляд, отчего лицо его сделалось ещё суровее. Повернувшись к коленопреклонённой женщине, он произнёс:

— Благородная супруга, повтори то, о чём поведала мне вчера. И помни: если ты в чём-то запуталась — это полбеды. Но посмеешь солгать — пеняй на себя. Пощады не будет.

Благородная супруга Ши подняла заплаканное, но по-прежнему прекрасное лицо, собираясь заговорить. Однако вдовствующая императрица властно прервала её, обратившись к сыну:

— Государь, этот вопрос касается чистоты престолонаследия, это твоя личная, семейная тайна. Наследник Хань здесь совершенно ни при чём. Не пристало чужаку выслушивать подобное. Пусть он покинет покои.

Государь перевёл взор на Хан Сиэня. Тот спокойно вскинул голову и, глядя прямо на вдовствующую императрицу, негромко произнёс:

— Смею не согласиться с Вашим Величеством. Всё, что касается государя, будь то дела семейные или государственные, имеет первостепенное значение для всей Поднебесной. Если император потеряет хоть один волос — это уже великое событие, что уж говорить о столь неслыханных вещах? К тому же мне удалось вывести кое-какие любопытные подробности, коими я желал бы поделиться.

Император так и застыл, поражённый словами о единственном волоске. Надо признать, столь изящная лесть Хан Сиэня вновь пришлась владыке по душе, заставив его израненное за долгую ночь сердце забиться чуточку спокойнее.

Обернувшись к матери, император холодно обронил:

— Хан Сиэнь не чужак. Именно ему я поручил расследование. Раз уж он уверяет, будто отыскал нечто заслуживающее внимания, будет нелишним выслушать его.

Спорить с сыном вдовствующая императрица не решилась. Слегка кивнув, она умолкла. Настроение государя немного улучшилось, вернув ему силы разбираться в этом нелепом деле. Он посмотрел на коленопреклонённую Благородную супругу:

— Продолжай, благородная супруга.

Женщина бросила на укутанного в молчание Бай Эня короткий взгляд, полный глубокой скорби и невыразимой нежности. Тяжело вздохнув, она склонила голову:

— О Великий Император, каждое моё слово — истина перед Небом. Бай Энь — плоть от плоти твой и мой сын.

Эти слова прозвучали подобно грому среди ясного неба. Присутствующие замерли, лишившись дара речи. Сам же Бай Энь уставился на благородную супругу с таким изумлением, словно перед ним предстало невиданное чудовище.

Супруги Бай съёжились ещё сильнее, едва ли не прижавшись грудью к холодному полу. Генерал Бай Вэньхань нахмурился так сильно, что между бровей пролегла глубокая складка. Он предполагал самые разные причины, по которым Хан Сиэнь запер его племянника, но подобное безумие не могло привидеться ему даже в кошмарном сне.

«Зачем старшему брату усыновлять ребёнка государя и Благородной супруги Ши? — лихорадочно соображал генерал. — Как он посмел пойти на такое святотатство и, главное, как ухитрился провернуть это под самым носом у стражи?»

И тут в памяти Бай Вэньханя всплыли странные слова Хан Сиэня, сказанные им у ворот генеральского поместья. Тот тогда спросил, унаследовал ли Бай Шу свой художественный дар или выучился сам. В тот миг генерал не придавал вопросу значения, но теперь осознал, какая

бездна скрывалась за этим небрежным любопытством.

Талант юного Бай Шу действительно перешёл к нему от отца. В былые годы мастерство живописца Бай Цзюня славилось по всей столице. Однако его карьера при дворе едва не прервалась: из-за коварных наговоров завистников он оказался на грани позорной опалы.

Лишь чудесный дар художника помог ему привлечь благосклонное внимание государя. Обретя высокое доверие, Бай Цзюнь получил дозволение беспрепятственно входить во внутренние покои дворца, дабы запечатлеть лики прекрасных наложниц на шёлке. Лишь после безвременной кончины любимого императорского благородного супруга Ван Ина государь впал в тоску, повелев уничтожить все портреты, и Бай Цзюнь навсегда отложил кисть.

Пусть монарх охладел к своему бывшему любимцу, тень прежней привязанности всё же оберегала художника от невзгод. Впрочем, сам Бай Цзюнь предпочёл уйти в тень и вести уединённую, скромную жизнь.

Но ежели верить признанию благородной супруги Ши, то выходило, что обласканный милостью живописец тайно вынес новорождённого принца за ворота запретного города! Подобное кощунство неизбежно наводило на мысль о порочной связи между придворным художником и наложницей. Иначе с какой стати простому слуге идти на столь смертельный риск?

Если эти подозрения не рассеять, весь клан Бай вместе с несчастным Бай Энем будет стёрт с лица земли беспощадной императорской волей. У генерала от этих мыслей заломило виски. Он страшился даже представить, какой ураган безумной ярости готов обрушиться на их головы.

Восседающий на троне владыка хранил ледяное молчание. Некоторое время он буравил взглядом благородную супругу Ши, а затем медленно перевёл тяжёлый взор на замершего в поклоне художника. На губах государя заиграла зловещая, едва заметная усмешка:

— И что же на это ответит господин Бай?

Некогда красивое лицо живописца мертвенно побледнело, губы задрожали, но он не смог вымолвить ни слова. Зато Госпожа Ван, сделав глубокий вдох, внезапно заговорила с благоговейным почтением:

— О Великий Император... всё обстоит именно так, как соизволила поведать благородная супруга.

Бай Энь, окончательно растерявшись, перевёл ошеломлённый взгляд с приёмного отца на мать. С его губ сорвался тихий, прерывистый шёпот:

— Не может быть... Это безумие. Какая нелепость!

Женщина посмотрела на сына. В её глазах сквозила такая невыносимая горечь, что последняя надежда в душе юноши мгновенно угасла. Покачав головой, Госпожа Ван горько произнесла:

— Мой мальчик... я действительно не родная твоя мать. В те годы я служила безвестной служанкой в дворцовой прачечной. Когда я тяжело занемогла и едва не испустила дух, благородная супруга Ши проявила милосердие и спасла меня. Позже, пользуясь своей неприметной внешностью, я выхлопотала дозволение покинуть внутренние покои, дабы вырастить дитя моей спасительницы в безвестности.

Стоило этим словам прозвучать, как несчастный Бай Цзюнь окончательно сник и бессильно повалился на пол. Плечи его мелко вздрагивали, но он лишь крепко стиснул зубы, не смея проронить ни звука.

Император устремил пронзительный, изучающий взор на старого маркиза Ши. Тот вместе с остальными родичами застыл с выражением крайнего потрясения на лице — их замешательство казалось столь искренним, будто они и впрямь впервые слышали об этой тайне.

Второй принц Цзи Жун чувствовал себя так, словно его нагим выставили на леденящий зимний ветер. Хмуро сдвинув брови, он безмолвно созерцал разыгрывающееся перед ним представление.

Государь опустил веки, и из его груди вырвался тихий, глухой смешок, от которого у присутствующих по спине пробежали мурашки.

— Стало быть, ты уверяешь, что всё сказанное — чистая правда? — вкрадчиво поинтересовался он у Благородной супруги.

Женщина зашлась в беззвучных рыданиях, прижимая ладони к груди:

— О повелитель! После кончины императорского благородного супруга Ван Ина ты годами не переступал порога женских покоев. Я знала, как сильно ты страшишься усиления клана Ши, знала, что ты никогда не позволишь мне выносить дитя, дабы избежать смуты в будущем. Но я — женщина! Сердце моё разрывалось от тоски по нерождённому младенцу, и обида лишила меня разума. Я подкупила слуг из твоей опочивальни и, улучив миг, когда ты был пьян, велела возжечь дурмящие благовония... Очнувшись наутро, ты ничего не вспомнил, а мне удалось скрыть свою беременность и уберечь это дитя. На мне лежит страшный грех, государь! Молю, покарай меня, но пощади невинную кровь!

В этой сбивчивой, отчаянной исповеди смешались и застарелая обида на холодность супруга, и бабья тоска по материнскому счастью, и глухой гнев. Она прекрасно знала о подозрительности императора, ведала, что клану Ши заказан путь к наследным правам, но всё же решилась на отчаянный шаг. Пусть даже дитя пришлось бы сразу после рождения отослать прочь из запретного города, обрекая на безвестность под чужой фамилией.

Скорбные рыдания благородной супруги затихли, и в покоях воцарилось мёртвое безмолвие. Казалось, само время остановило свой бег под сводами этой залы.

Наконец вдовствующая императрица, величественно восседавшая на возвышении, нарушила тишину. Её голос прозвучал сухо и властно:

— Что ж, сынок. Раз дело приняло такой оборот, остаётся лишь прибегнуть к старому средству. Вели принести чашу с водой — проверим кровное родство.

Хан Сизнь, будучи выходцем из иного, просвещённого мира, прекрасно знал цену этому нелепому суеверию. Отыскав взглядом императрицу, он лишь насмешливо вскинул бровь и едва заметно фыркнул.

<http://bllate.org/book/20088/2002059>